

Морвейн Ветер
ТОМ 1

Пяти богини
Дану

16+

Дети богини Дану

Морвейн Ветер

Дети богини Дану. Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ветер М.

Дети богини Дану. Том 1 / М. Ветер — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Дети богини Дану)

ISBN 978-5-532-04003-8

Дею в школу друидов привёл случай - отец завёл новую наложницу и прежняя дочь стала не нужна. Семья Девона стала жертвой друидских серпов. В одну ночь из наследника туата он превратился в отверженного сироту. Их встреча станет роковой точкой в судьбе обоих. Но сердце Девона подобно камню. С тех пор, как погибли его близкие все мысли юноши занимает месть. Пройдут годы, прежде чем он снова научится любить. Немало боли и жестокости придётся вытерпеть обоим, прежде чем они отыщут своё счастье.

ISBN 978-5-532-04003-8

© Ветер М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

– И наконец, – список из семи новых воспитанников корпуса стражей Дану подошёл к концу, и осталось назвать только одно имя, – Девон из дома Ястреба.

Девон сжал кулаки и прищурился, разглядывая строй из двух десятков воспитанников, с молчаливым осуждением смотревших на него.

Каштановые волосы его трепетали на ветру, ноздри раздувались, будто ноздри дикого лося, готового ринуться в бой.

Скандалная слава дома Ястреба не утихла до сих пор. Один из четырёх родов сидов, на протяжении веков служивших Дану. Хотя бы одна женщина-Ястреб всегда входила в свиту богини. Хотя бы один мужчина всегда надевал мантию друида и восхвалял её. И вот теперь, объявленные предателями, все двадцать взрослых Ястребов окропили своей кровью корни Великого Дуба.

Великий Друид настаивал на том, чтобы принести в жертву и детей – но в последний момент что-то переменялось, и он изменил решение. «Звёзды избрали его», – так он сказал. «У мальчика великая судьба».

«Великой судьбой» Девона из дома Ястребов вот уже три года было отбиваться от мальчишек, которые, как и все, кто был рождён без воли богини, становились её приёмными детьми и попадали под её надзор.

Из «Детей Дану» вырастали друиды – хотя разница между друидами, обученными в Роще, была велика. Были среди них те, кто приближался к двору – такие чаще происходили из знатных семей. Были те, кто становился травниками, предсказателями и ведателями морских вод или горных камней. Были Стражи Богини, каким суждено было стать и самому Девону, а были и Тени Леса – те, кто подчинялся только Великому Друиду.

Но многие не становились ни первыми, ни вторыми, ни третьими – их обучали воинскому мастерству, но судьбой их было собирать ягоды и охранять терем Дану.

Впрочем, ни первых, ни вторых и ни третьих Девон не считал равными себе.

Те три сотни, что обучались вместе с ним, отличались от всех других, но и они для Девона были никем. Он знал, что все они – только грязь у его ног. Безродные найдёныши, которым Дану дала приют, чтобы вырастить из бесполезного человеческого отребья отборных слуг.

Три сотни их было, и только двадцать семь прошли испытания, выжили, чтобы войти в старший корпус и стать кадетами. И только семь должны были пройти путь до конца.

Девон был одним из немногих, кому испытание страхом далось легко. После той ночи, когда он увидел, как серпы друидов взлетают вверх, одним всполохом обрывая жизнь всем, кого он до сих пор называл семьёй, Девон не боялся ничего.

Ему перестали сниться сны, и шорохи ночи не вызывали отклика в его душе. Он почти не чувствовал боли и вкуса пищи – последнего не чувствовал совсем, как и запахов. Мир вокруг него будто бы поблек, и он мог только смеяться, когда слышал это «великая судьба». У него не было вовсе никакой судьбы. Один из трёх сотен мальчиков, ненужных никому. Последний из рода предателей, одно лишь имя которого вызывало презрительные взгляды у взрослых и детей.

Он не знал, был ли предателем его отец – и знать никогда не хотел.

Его отец был просто его отцом, и этого было достаточно, чтобы его любить.

Девон вскинул голову и холодно улыбнулся, окатывая волнами ледяного презрения всех, кто стоял перед ним.

– Во славу богини Дану! – воскликнул он, и голосу его отозвался многоголосый хор:

– Во славу Великого Дуба!

Под прицелом десятков глаз, печатая шаг, Девон пересёк площадь и занял своё место в строю.

– Три дня чёрные тучи застилали небо. Три дня не было солнца и не было луны. Так поют филиды...

Девон вздрогнул, когда в затылок ему прилетел комок из травы, но не обернулся. Он знал, кто может быть настолько наглым, чтобы кинуть травой в него, но не собирался прерывать любимый урок.

Девон любил историю. Почему – он и сам не знал.

Рассказы учителя Кадеирна пробуждали в его душе странное ощущение реальности, яркости происходящего, которую он давно уже перестал ощущать – тогда, когда погибла его семья.

Иногда Девону казалось, что прошлое куда более реально для него, чем всё, что происходило сейчас. Чем всё, что могло произойти.

Будущее было туманно, и он знал, что шанс его дожить до двадцати – семь из двадцати семи. Потом же, если бы ему повезло, жизнь его наполнило бы служение великой Дану. Той, что приказала убить его отца.

В будущем не было ничего, к чему Девон мог бы стремиться. В настоящем не было ничего, что он мог бы любить. И потому четырнадцатилетнему потомку рода Ястребов оставалось только представлять себе картины из прошлого – того, которое видел он сам, и того, о котором мог только слышать.

– ...и прекрасные благородные сиды сошли с ней, непревзойденной Дану.

– ... и третьим из сид, ступившим на Землю-Среди-Туманов, стал Ястреб, верный страж богини Дану.

Девон вздрогнул, когда в затылок ему прилетел ещё один комок травы, и за спиной раздался негромкий смех.

После занятий, когда все кадеты его корпуса направились в столовую, Девон задержался у поворота к казармам. Обедать он не хотел – в столовой всё равно не давали ничего, что он мог бы есть.

Он стоял, жмурясь на солнце, припекавшее плечи, затянутые в серый ученический мундир, и ждал.

Элбон и его спутники вышли из столовой последними – они всегда первыми садились есть.

Их было трое, и Девон усмехнулся про себя, радуясь тому, что ему повезло.

– Элбон! – Девон присвистнул, подзывая другого кадета к себе.

Тот обернулся и направился на звук.

– Кто сегодня плохо слушал историю? Ты или твои друзья? – спросил Девон, с каждым словом приближаясь к Элбону на шаг.

– Ты о чём? – Элбон, рыжеволосый кадет, который был на голову выше его, изобразил на лице притворное удивление.

Девон сделал последний шаг и, не отвечая на вопрос, схватил Элбона за плечи и, согнув пополам, ударил коленом в живот.

– Сейчас поймёшь! – выплюнул он, закрепляя эффект ударом локтя по спине.

Элбон успел перехватить его под колени и уронить на землю, но уже через секунду Девон снова оказался сверху него.

У Элбона было преимущество в размере – и ещё одно: у него не было длинных волос, всегда отличавших сидов, за которые так удобно было хвататься в бою.

Впрочем, Девону было плевать. Он знал, что не выиграет этот бой. У него была одна цель: показать, что последнего из Ястребов невыгодно задевать.

Они катились по земле, обмениваясь пинками, под весёлое улюлюканье подпевал. Тяжёлые кулаки Элбона врезались Девону под рёбра, заставляя резко выдыхать после каждого удара. Сам Девон бил слабей – но точнее, потому что с пяти лет учился убивать.

Не прошло и пяти минут, как во дворе собралась немалая толпа. Будто наблюдая за играющими во славу Дану, кадеты кричали, подбадривая фаворита: не без обиды Девон мог различить, что его имя не кричит никто.

«Всё равно», – говорил он себе. И ему в самом деле было почти всё равно. Потому что в эту секунду важно было только одно – ударить точней.

Наконец, Элбону удалось прижать его к земле и, намотав длинные каштановые кудри на кулак, ударить о землю лбом.

– Проси прощения, сын предателя! – потребовал тот, но Девон лишь выплюнул стусток крови в песок. Руки его слабо дергались, но скинуть с себя более тяжёлого мальчишку было не так уж легко.

Элбон ударил его лицом о землю ещё раз, и Девон почувствовал было, как кровь заливает глаза, когда в толпе что-то поменялось. Восторженные крики сменились испуганными, и ряды зрителей стали стремительно редеть.

– Элбон, как это понимать? – услышал он голос учителя Кадеирна совсем рядом с собой и улыбнулся зло разбитыми в кровь губами.

Элбон тут же скатился с поверженного противника вбок и вскочил на ноги. Девон же пока что не мог встать. При каждом движении в голове раздавался колокольный звон, и в глазах становилось чуточку темней.

– А ну вон отсюда! Через полчаса зайдёшь ко мне! – раздался голос Кадеирна совсем рядом. – А ты собираешься встать?

Моргнув, Девон смог разглядеть сразу две пары глаз, смотревших на него.

– Сколько пальцев? – голос Кадеирна был слышен будто бы сквозь вату.

– Пять... – прохрипел Девон, – или шесть.

Кадеирн выругался совсем не так, как приличествовало учителю.

– Немедленно в лазарет! – приказал тот и потянул Девона вверх за плечо.

Кима не переставая цокала языком, накладывая дурно пахнущую мазь на трижды пострадавший лоб.

– Ну зачем?! – спрашивала она голосом настолько пронзительным, что у Девона звенело в ушах. – Девон, зачем опять?!

Вообще-то, Девон Киму любил. Молоденькая и стройная, как тонкая лиственница, она пришла работать в академию так же недавно, как недавно перевели в старший корпус его самого. Лицо Кимы с большими зелёными, как малахит, глазами, обрамляли рыжие кудряшки, вздрагивавшие при каждом движении, и в этих самых малахитовых глазищах светилась такая вера в богиню, что Девон не мог смотреть на неё без улыбки.

Кима обижалась, но ему прощала всё, потому что у самого Девона были такие же огромные, только переливающиеся из малахита в яшму глаза.

– А почему нет? – спросил Девон, когда она нанесла на рану очередной слой и при этом ещё раз цокнула языком. Сегодня Кима раздражала его, потому что в голове и без неё, не переставая, стоял колокольный звон.

– Ну, Девон! У тебя же останутся шрамы!

– Мне всё равно, – Девон отвернулся от неё и уставился в окно.

«Всё равно», – повторил он про себя. Он сам почти верил, что ему всё равно.

Вечером, когда вся казарма уже спала, Девон неотрывно смотрел туда, где стояла пустая кровать Элбона.

Ночевать тот не пришёл – значит, ему дали внеочередной наряд. Опять.

И значит, утром всё начнётся по новой.

«Всего один год», – произнёс Девон про себя, хоть и знал, что за этим годом будет ещё один год, и ещё. Пока ему не исполнится восемнадцать, и он, как и Элбон, не войдёт в зал страха, чтобы пройти последний обряд.

«Всё равно», – повторил он про себя устало. Но, даже погружаясь в полудрёму, так и не смог поверить самому себе до конца.

Глава 2

– И шестая из избранных в ученицы великой богине, Дея из дома Горностая.

Дея стояла, высоко задрав подбородок и чуть прищурившись на солнце, разглядывала стройные ряды воспитанников, будто они выстроились на парад, чтобы встретить лично её.

Дея всегда считала глупым обычай отправлять детей из благородных домов обучаться с прочими, чья судьба была неизмеримо ниже. «Всегда» – это все те долгие четырнадцать лет, за которые, как она точно знала, она успела прекрасно познать мир вокруг, скрытые закономерности бега светил и глубинные связи в отношениях людей, которых она немало успела увидеть в доме отца.

Однако время не стояло на месте, и отец, сорокалетний сид, без малого десять лет горевавший по своей покойной наложнице, стал её забывать.

Знание закономерностей людских душ подсказывало Дее, что ещё немного – и её мать будет забыта совсем – а как только это случится, новая наложница войдёт в дом, и однажды, когда они с отцом станут достаточно близки, её собственное место старшей и любимой дочери займёт кто-то другой.

Дея не сомневалась, что это произойдёт, и потому, когда листья в фонтане жизни начертили рисунок семени, зарождения нового сйда, Дея не была удивлена.

Не удивилась она и тогда, когда отец сообщил ей о том, что пора Дее определить своё место в мире, который их окружает – а начать следовало с того, чтобы пройти обучение в Академии Стражей Дану.

Никто, безусловно, не ожидал от неё подвигов и не рассчитывал особо, что она пройдёт в высший круг, чтобы служить богине кровью и душой. Отец надеялся лишь на год тишины и покоя в доме, где ждали новое дитя, а решение судьбы Деи откладывал на потом.

– Во имя Дану! – воскликнула она звонким голосом, воздевая к небу клинок, ещё не знавший крови.

– Во славу Великого Дуба! – ответил ей многоголосый хор, но Дея не слышала ничего, потому что взгляд её, до того равнодушно скользивший по рядам курсантов, столкнулся с холодным, потерянным взглядом зелёных глаз с прожилками из яшмы.

Дея сглотнула, чувствуя, как ноги становятся ватными под этим пристальным взглядом, и едва не забыла сделать приличествующий ситуации шаг вперёд.

Она стремительно отвернулась, заставляя себя сосредоточиться на церемонии, и заняла своё место в строю. Но всё время, пока длилось посвящение, она продолжала видеть перед собой эти малахитовые, с яшмовыми прожилками глаза, и ей казалось, что старший ученик по-прежнему смотрит ей в затылок.

Потом было празднество. Дея с удивлением рассматривала серую кашу, которой она должна была быть сыта, и, не сдержавшись, спрашивала у соседа:

– Если это праздничная еда – то что дают каждый день?

Сосед смеялся, крутил пальцем у виска и уминал безвкусную дрянь за обе щеки.

А вечером Дея писала письмо домой, чтобы отправить его с дикими горностоями – и просила, конечно же, сжалиться и прислать нормальной еды.

К концу первой недели в младшем круге Дея узнала, что в её отряде нет сидов, кроме неё. Все остальные были мальчиками и происходили из нищих семей, а то и не знали своих родителей вообще.

– А вообще сиды в академии есть? – задумчиво спрашивала Дея. На неё почему-то смотрели нехорошо, но Дея продолжала задавать один и тот же вопрос, пока не получила ответ:

– Сын предателей учится здесь.

По позвоночнику Деи пробежала дрожь. Она помнила историю, о которой несколько лет назад в священной роще говорил каждый – и не слышал только идиот.

Ястреб из старшего колена привёл в дом наложницу – красивую, с волосами цвета молодого льна, каких не было ни у кого. И когда Ястреба спрашивали, откуда такие волосы у его женщины, он отвечал: «Так Дану приблизила её к себе».

Прошло время, и слухи о наложнице достигли ушей самой богини, и она послала теней из друидов узнать, что за деву привёл Ястреб в свой дом. И вот тогда-то стало ясно, что вовсе не она наделила чудесными волосами чужачку, а длань фоморов коснулась её тела – и сама она произошла от фоморов по матери или отцу.

Дея подозревала, что гнев богини объяснялся не только лишь тем, что ей была неуютна такая любовь. Ходили слухи, что сиды и не таких чудовищ приводили в свою постель. Однако Ястреб расчистил для племени Туата Де Дананн земли у северных берегов, и земли эти хотел получить Великий Друид.

Дея была более чем уверена, что не богиня отдала приказ окропить кровью Ястребов корни священного дуба, а «тот», невидимой тенью всегда стоявший у неё за плечом. Все до одного взрослые Ястребы были выстроены у великого древа на рассвете, и жизнь двадцати сидов оборвалась единым взмахом двадцати серпов.

Слышала Дея и о том, что один из Ястребов был спасён – подарить ему жизнь повелел сам Великий Друид. Но сам род его был проклят, и отныне последний из Ястребов не мог называть себя сидом, а вместо четырёх великих родов вокруг трона Дану под священным древом осталось три.

– Говорят, – шепнул воспитанник, ответивший Дее на мучавший её вопрос, – этот Ястреб и сам наполовину фомор, как и его мать.

– Она не была ему матерью, – машинально ответила Дея, которая знала родословную всех четырёх великих домов очень хорошо.

Мальчишка, сидевший в казарме на соседней кровати напротив неё, посмотрел на Дею изумлённо.

– Ты что, хочешь его защитить?

Дея повела плечом.

– Да он выходец из подземного мира! Это знают все!

– Видели, как выходил?

Мальчишка хлопнул глазами и замолк.

– Я хочу на него посмотреть, – сказала Дея, поднимаясь на ноги.

– Прямо сейчас? – её сосед бросил быстрый взгляд за окно. Отбой уже прозвучал, и солнце давно опустилось за горизонт.

Дея задумчиво проследила за его взглядом.

– Нет, – признала она. – Подожду до утра. Покажешь мне его – и бочонок с мёдом твой.

Еду Дее всё-таки прислали, и она пользовалась этим как только могла.

С самого утра Дее было беспокойно – она чувствовала такое волнение, как будто её собирались представить самой богине.

Поднявшись раньше всех, она долго полоскалась над ручьём и разглядывала, хорошо ли лежат пряди её платиновых волос.

Дея вообще была хороша. Как и все сиды, она обладала точёным лицом и стройным телом, гибким, как молодая ива. Впрочем, особо она внимания на свою внешность не обращала – та казалась Дее естественной, как и всё, что окружало её с детства.

Сейчас же она радовалась ей как никогда.

Остальных воспитанников Дея нагнала за завтраком и, отыскав Лугуса, которому накануне обещала мёд, потребовала сдержать данное слово.

Лугус почему-то не хотел идти до конца – хотя Дея впервые видела, чтобы страх перед чем-либо перевешивал для него стоимость хорошей еды.

– Пошли, – сказал наконец он, когда завтрак уже подходил к концу и, выведя Дею из столовой, повёл вдоль реки, а затем остановился, укрывшись в тени молодого дуба.

– Вот, – прошептал он. – Смотри.

На берегу реки, кидая маленькие камешки в прозрачную воду, сидел юноша с длинными волосами цвета спелого каштана. Кудри его слегка колыхались на ветру, скрывая от Деи лицо, но в стройной фигуре абсолютно точно не было ничего, что заставило бы бояться или позволило распознать родство с фомором.

– Да что в нём такого? – спросила Дея так же шепотом.

– Ты что, не понимаешь? – спросил Лугус. – Он – убил Элбона. Говорят, что он станет одним из семи.

– Убил? – переспросила Дея. Видимо, слишком громко, потому что сидевший на берегу резко обернулся, и глаза его, малахитовые, с прожилками цвета яшмы, впились в Дею.

– Бежим! – выдохнул Лугус, но Дея бежать не могла. Ноги её стали ватными, и она едва не рухнула на траву, как будто эти глаза пронзили её насквозь.

Лугус схватил Дею за локоть и, ломая ветки кустарника, почти что волоком потянул прочь.

А Девон остался сидеть, задумчиво глядя им вслед. В самом деле, с тех пор, как Элбон упал в овраг, к нему никто не подходил. Даже Кима, кажется, стала сторониться его.

Впрочем, Девон ничуть не волновался об этом – до сих пор. Ему было всё равно.

«Ещё один год», – подумал он, швыряя в воду очередной осколок гранита.

Шёл уже четвертый год его обучения в среднем круге. До испытания оставалось всего ничего, но и это было Девону безразлично. Его мир – настоящий мир, по которому он тенью скользил день ото дня, отвечал на удары ударами, которые были вдвое сильнее. Девон не чувствовал ничего – плыл в тумане, как и вся эта забытая временем земля. И только в день посвящения молодняка из тумана, давно уже окутавшего его, живыми отблесками проступили серые, как дымчатый хрусталь, с тёмно-синими проблесками, какие можно увидеть в глубине моря поздней осенью, глаза.

Глава 3

Как ни старалась, Дея не могла выкинуть из головы мальчишку, которого видела на берегу реки.

Она думала о нём всю осень, всю зиму и всю весну. Думала перед сном и думала, просыпаясь рано утром, пока не придумала себе собственного Девона из рода Ястребов, сотканного из обрывков сплетен и собственных снов.

Имя своего кумира Дея узнала довольно быстро – понадобилось всего лишь несколько горшков с мёдом и парочка ломтей солонины.

– Де-вон, – перекатывала она на языке, оставаясь в одиночестве, и дополняла придуманный образ новой чертой.

На самом деле, о Девоне она и без того немало знала.

Знала, что тот на три года старше её самой. Что мать его звали Ронат, и что она была одной из трёх приближённых жриц, пока не умерла, не пережив свои третьи по счёту роды – последние, которые были ей разрешены.

Знала, что отец воспитывал сына как наследника, хотя у него были сыновья от наложниц старше самого Девона, и что Девон с детства учился воинскому мастерству – скорее всего куда более тщательно, чем сама Дея, потому что род Горностая предпочитал добиваться своего без меча.

Теперь Дея знала также, что пресловутый Элбон сам завязал ту драку, в которой свернул себе шею, так же, как завязывал драки до этого много и много раз. А вот убил ли Девон своего противника, или тот свалился в овраг сам, Дее было не у кого спросить, и она представляла себе то один, то другой вариант.

Девон был так близко – и в то же время так далеко, что это сводило Дею с ума.

Иногда она была почти что готова подойти и спросить напрямик: «Девон, ты правда его убил?» – но стоило ей отыскать молчаливую фигуру в строю других воспитанников, как Дея тут же тушевалась и ругала себя за глупость. Как можно было начинать знакомство так?

А как? Этого она не знала.

Впервые в жизни Дея из рода Горностая не знала, что сказать.

Она говорила с друидами и с приближёнными жрицами, со старшими сидами, а однажды, когда её представляли ко двору, преклонила колено перед самой богиней – и ни разу не случилось с Деей такого, чтобы она не знала, что сказать.

Стоило же ей завидеть Девона, как ноги становились ватными, и все слова вылетали из головы.

Девон же, казалось, смеялся над ней.

Иногда он награждал младшую воспитанницу долгими задумчивыми взглядами, но никогда не подходил сам, хотя, казалось бы, чего это стоило ему?

Его боялись так, что вряд ли кто-то смог бы ему отказать, и поговаривали даже, что Девон пользуется этим, когда хочет кем-то овладеть.

Впрочем, в этом Дея предпочитала сплетням не верить.

Девон был настолько красив, а глаза его сияли как звёзды в ночном тумане – и можно ли было поверить, что он бывает с кем-то незаслуженно груб? Что он пользуется кем-то? Да каждый, на кого он смотрел, должен был сам ему угождать! – в этом Дея была твёрдо уверена и продолжала смотреть, гадая, когда же Девон предложит что-нибудь подобное ей.

Наблюдая за Девонем в перерывах между учёбой, Дея не раз замечала, как завязываются перепалки между ним и другими учениками. Тогда пальцы Деи сами тянулись к мечу, в произвольном желании защитит, вступиться за него – но это было смешно, вступаться за такого,

как он, и Дея продолжала стоять неподвижно, издали наблюдая за тем, как старший сид разбивает кулаки в кровь. Надо сказать, что как правило кулаки его страдали больше, чем лицо.

Все построение Деи немного опровергало то, что все до одной перепалки Девон начинал сам – потому что воспитанники давно уже боялись к нему подходить.

Иногда Дея видела, как Девон задумчиво поглаживает золотой обод серпа, с которым учили обращаться его отряд.

Сама Дея занималась с мечом, как и все, кого готовили стать просто одним из воинов туат.

Девон же был избранным, и теперь уже Дея точно знала, что тот должен стать одним из семи.

«Двадцать семь войдут в Ночь Полнолуния в Древесный храм – но только семь выйдут из него» – эту формулу Дея заучила наизусть, хотя она и не касалась её самой. И сглатывала каждый раз при мысли о том, что Девон может и не стать одним из тех семи.

Девон стоял на площадке для тренировок и задумчиво поглаживал золотой серп, которым только что лишил головы чучело.

Он улыбался при мысли о том, что совсем недолго осталось ждать испытания.

«Двадцать семь войдут в Ночь Полнолуния в Древесный храм – и только семь выйдут из него».

Девону не было жаль никого из тех двадцати.

Он ненавидел их всех – всех до одного. Всех, кто был причастен к смерти его семьи. Всех, кто заносил священные серпы. Всех, кто молча смотрел, и всех, кто смел говорить о том, что его отец предал Туат.

Он уже прошёл одно испытание и знал, что ждёт его впереди. Всех их соберут под куполом, но не все получают серпы.

Священное оружие будет ждать их в круге света, и только семь успеют взять его в руки – семь, которые доживут до утра. Остальные останутся лежать, окропив своей кровью корни Великого Дуба.

– Как же любит, когда его удобряют кровью, этот проклятый Дуб, – прошептал он, разглядывая, как мальчишки лупят своих соломенных манекенов.

Девону было всё равно, станет ли он одним из семи. Он готов был умереть так же, как умрут те, кто был слаб.

Но если бы он выжил... Девон знал, что собирался сделать тогда. Он дождался бы дня, когда его, как и других стражей, представят Дану, и рванулся бы вперёд, чтобы перерезать ей горло её же серпом.

И неважно, что Дану возродится с новым лицом. Ему достаточно изуродовать одно.

С каждым годом и с каждым месяцем его злость становилась сильнее. Она застилала все остальные мысли кровавой пеленой и заставляла пальцы белеть, сжимаясь на рукоятке серпа. А самого Девона – улыбаться. Холодной, равнодушной улыбкой, которой здесь боялись все.

Давно уже не осталось тех, кто смел бы подходить к нему и первым заводить разговор. Давно уже не осталось тех, кто смел бы оскорблять его или его семью.

Его называли фомором, полукровкой, чудовищем с северных гор.

Он никогда не был с фоморами в родстве – но ему было всё равно. Подобная слава даже радовала его.

Только два просвета было в его персональной мгле.

Первым стали старинные свитки – как и всех их, стражей из круга семи, его учили читать. Пользуясь своей привилегией, всё время, свободное от тренировок с серпом, Девон проводил в архиве. Изучал сказания предков, звёздные карты и заклятья, которые, впрочем, всё равно не работали в его руках.

Он всерьёз задумывался о том, что если бы не судьба, которую уготовила ему Дану – судьба изгоя, и судьба стража у себя за спиной – он хотел бы стать друидом и изучать мир, который его окружал. Лучше понять бег солнца по небосклону и шорохи трав, в которых таилась сама жизнь. Он чувствовал, что есть что-то ещё, что ему не могут преподать в Кругу, и что он должен будет постичь сам. Но тут же одёргивал себя, напоминая, что все его мечты не имеют смысла – он был тем, кем был. И всем, чего ему дозволено было желать, стала месть.

Он холил свою злобу, как драгоценный цветок, медленно прораставший в его душе, и ждал – когда же наступит священная ночь.

– Слышно ли что-нибудь о тех пришельцах, появление которых предсказал Глокхмэй в прошлом году?

– Люди из нового племени, которые выйдут из тумана? – Риган потянулся и, отодвинув в сторону пуховое одеяло, сел. – Это смешно, моя богиня. Сотни лет со стороны восхода не приходил никто.

Дану протянула руку, касаясь кончиками мускулистой спины Великого Друида. Проследила рельефные впадинки там, где мышцы перетекали друг в друга. Коснулась длинных белоснежных волос, которым позавидовал бы любой сид, и потянула их на себя, рассчитывая уронить любовника обратно в постель – но Риган лишь повёл плечом, стряхивая её кисть, и встал.

Дану никогда не дала бы ему тридцать пять.

Тело Ригана принадлежало не сиду, кровь которого разбавлена кровью Фир Болг. Он был истинным сид, и каждая клеточка его тела дышала могуществом их общей прародины. Вечной молодостью, которой теперь не мог похвастаться почти что никто.

Риган был великолепен – со своими снежными прядями волос, разметавшимися по плечам, со смуглой кожей, плотно обтягивавшей мускулистый торс, с бёдрами, будто бы высеченными из мрамора – но Дану не спешила ему об этом говорить.

С каждым годом девушке, которую называли богиней, едва ей исполнилось пять лет, всё больше казалось, что Риган и без того ценит себя слишком высоко.

Риган был старше её – хоть и всего лишь на несколько лет. Но эти годы пролегли стеной между ними, подарив ему то влияние среди древних сидов, которого не было у неё самой.

Иногда девушке, которая давно уже забыла своё имя, чтобы называться Дану, дочерью Дану, вечной богиней и матерью всех сид, становилось страшно при мысли о том, что не она правит народом туат – а Риган, который пророс сквозь её народ как Вечный Дуб, и так же прочно впился корнями в жителей её земли.

– Я всё ещё думаю, – сказала она, сквозь полог ресниц наблюдая за тем, как Риган потягивается, демонстрируя своё великолепное тело как довольный кот, подбирает тунику из тонкой парчи и, продев в неё руки, накидывает на плечи мантию из драгоценного бархата, расшитого серебром, – я всё ещё думаю, что предать забвению род Ястребов была неудачная мысль. Они были одним из четырёх столпов, на которых исконно покоилась моя власть. Они были мне нужны.

– Перестань, – Риган поморщился и, качнув головой, встряхнул прядями белоснежных волос, заставляя их упасть на плечи поверх мантии красивой волной. – Дело сделано и назад пути нет... – он помешкал и закончил с улыбкой, – моя богиня.

– Кто будет защищать землю Туата Де Дананн, если Ястреба больше нет за моим плечом?

– Может быть, это буду я? – наклонившись над ложем богини, Риган запечатлел на её плече лёгкий поцелуй.

– Ты, – Дану не сдержала презрительного смешка, – Риган, ты всегда защищал только себя.

– У тебя есть Стражи, и они верны тебе.

– Может быть, – богиня села, придерживая покрывало у груди одной рукой, – но их не достаточно, чтобы защитить всех туат.

Риган не ответил. Он повернулся к Дану спиной и принялся стягивать мантию ремнём.

– Ты выбрал себе преемника? – спросила Дану ему в спину. Риган вздрогнул.

– Ученика! – резко поправил её он.

– Как не называй, Риган. Ты выбрал или нет?

Риган стиснул пальцы поверх ремня.

– Да, – сказал он и улыбнулся. – Ты будешь рада. Он один из тех, кого тебе так жаль.

– Кто?

– Увидишь, – Риган улыбнулся и, на мгновение повернувшись к ней лицом, снова отвернулся, так что волосы хлестнули его по щеке.

– Я хочу, чтобы ты представил мне его.

– Само собой.

Глава 4

Слух о том, что Великий Друид намерен посетить академию, Дею впервые настиг за месяц до испытания – о котором, в свою очередь, говорили с самой зимы.

В жизни воспитанников было мало новостей. Тренировки – у кого с мечом, у кого с серпом, а у кого с копьём – длились целыми днями. Наставники равно обучали истории всех, независимо от того, какая судьба кого ждала. И только занятия письмом были не у всех – здесь дети делились на тех, кто всерьёз готовился вступить в круг друидов, и тех, кому предстояло вместе с жёнами сеять зерно.

Дея не относилась ни к тем, ни к другим. Сыновья и дочери рода Горностая были охотниками, как и сиды других родов, и потому она была немало удивлена, когда узнала, что рунам будут учить и её.

С одной стороны, Дея и сама была рада прикоснуться к таинствам друидов. С другой – эта новость немало её расстроила, потому как означала, что семья вовсе не собирается её забирать.

Теперь, снова и снова обдумывая то, как она оказалась в школе, Дея приходила к выводу, что так было задумано с самого начала.

Дее становилось грустно от мысли, что человек, который для неё самой с малых лет был почти что божеством, предал её и так легко отказался, но тосковать об этом не имело смысла, потому как ничего уже нельзя было изменить.

Дея старалась найти интерес в занятиях и постепенно свыкалась с мыслью о том, что станет жрицей.

Она подолгу пропадала в библиотеке, силясь наверстать те годы обучения, которые провела дома, и через некоторое время заметила, что здесь же в библиотеке постоянно обитает и ещё один ученик.

Едва заканчивались занятия, Дея обедала. Отдавала дань вежливости, обмениваясь новостями с другими учениками. И шла сюда. А Девон всегда уже сидел здесь, за длинным столом, в самом тёмном углу, как будто не боялся испортить глаза.

Дея всё чаще стала отвлекаться, наблюдая за ним исподтишка, пока не обнаружила однажды, что Девон тоже смотрит на неё.

Дея сглотнула и поспешно спрятала взгляд, но кожа на лбу зудела – как будто Девон всё ещё смотрел на неё, и Дея, не выдержав, подняла глаза, чтобы проверить свою догадку. В то же мгновение и Девон оторвался от своего фолианта, и на секунду их взгляды пересеклись. Дея торопливо опустила глаза, но улыбки, заигравшей на губах, спрятать уже не могла. Девон заметил её. Девон видел её. Девон вообще знал, что она, Дея, существует и учится здесь!

В тот день Дея так и не решилась подойти. Девон был старше, и даже просто заговаривать с ним первой не позволял этикет.

Зато Дея вертелась всю ночь, проклиная себя и думая о том, что если пустить дело на самотёк, то Девон, пожалуй, вообще никогда к ней не подойдёт.

На следующий день, когда занятия закончились, Дея вежливо выслушала все сплетни, которые хотели ей рассказать, поулыбалась и бросилась в библиотеку со всех ног.

Конечно, Девон уже был здесь.

Дея решительно взяла из шкафа книгу, которую накануне так и не дочитала, и опустилась рядом с Девоном на стул.

С замиранием сердца она ждала, что Девон отодвинется от неё, потому что места в библиотеке было полно.

Но Девон не шевельнулся.

Дея шумно выдохнула и открыла фолиант.

Несколько минут она честно пыталась читать, а потом, краем глаза определив, где лежит рука Девона на столе, будто невзначай положила на неё ладонь.

Сердце гулко забилося в груди, а руку будто бы обожгло. Следующие несколько мгновений показались Дее бесконечными, и она всё ждала, что Девон сбросит её ладонь, но тот не делал ничего.

Почти минуту оба сидели неподвижно. Дея уже не пыталась вчитываться в текст, полностью сосредоточившись только на ожидании, когда в тишине прозвучал уже сломавшийся, бархатистый и хрипловатый одновременно, голос Девона:

– Мне нужно страницу перелистнуть.

Сердце подскочило куда-то к горлу и упало в пятки. Глаза Деи широко распахнулись, и несколько долгих секунд она решала, должна ли повернуться и посмотреть Девону в глаза или сделать вид, что ничего не произошло, а потом, так и не поднимая глаз от книги, произнесла:

– Тебе помочь?

Ответом ей стало молчание.

Сделав над собой усилие, Дея подняла взгляд и увидела, что Девон в упор смотрит на неё.

– Если не боишься, – произнёс он.

– Очень боюсь, – призналась Дея, и снова наступила тишина.

Дее почему-то не казалось, что Девон разглядывает её. Он не смотрел ни на плечи, ни на лицо, только в глаза. И как будто невидимая нить протянулась между ними, соединяя в одно.

– Скажи, что не нужно бояться, – попросила Дея.

– Не люблю врать.

И страх почему-то ушёл. На губах Деи снова заиграла улыбка, и она, быстро опустив взгляд на книгу Девона, перевернула страницу его книги, а затем снова посмотрела ему в глаза.

– Ты читаешь здесь каждый день, – произнесла она.

– Да.

Девон опустил глаза.

Больше в тот день он так и не сказал ничего, а Дея так и не решилась настаивать. Но на следующий день Дея сразу под села к нему – и на следующий, и ещё через день.

Девон молчал. Несколько раз Дея произносила ничего не значащие фразы, пытаясь завязать разговор так, как её учил отец: о погоде, о деревьях и о новостях.

Девон отвечал односложно и тут же принимался дальше читать.

Однажды на один из таких вопросов вместо ответа Девон спросил:

– Ты знаешь, что я Девон из рода Ястребов?

Дея сглотнула.

– Да.

Наступила тишина.

– А что?

– Ничего, – Девон снова отвернулся и уткнулся носом в фолиант, но Дее показалось, что поза его стала чуть менее каменной, чем всегда.

А ещё через пару дней Девон заговорил первым.

– Ты читаешь «Азбуку цветов»? – спросил он.

Дея покраснела. До тех пор ей и в голову не приходило прятать свои книги, и только теперь она поняла, какая она идиотка – «Alphabeti de flores» в среднем круге знали наизусть все, кроме неё. Она же пока что разбирала её с трудом.

– Это... просто... хотела повторить... – Дея мысленно выругалась на себя за эту неспособность связать два слова, которая до сих пор не достигала её никогда.

– Я думал, ты в среднем круге.

Пальцы Деи побелели и сжались на краешке листа.

– Я в школе первый год! – выпалила она обиженно наконец.

– И что?

– И ничего! Читаю, что могу.

Наступила тишина, а потом Дея с удивлением обнаружила, что Девон накрыл её руку своей рукой.

– Не злись, – мягко сказал он.

Дея шумно выдохнула.

– Просто уже надо было выучить «Relatio stellarum», а я не могу, потому что всё ещё во «Flores» не разобралась до конца. Поэтому тут и сижу.

Девон хмыкнул.

– А я уж думал, ты приходишь сюда из-за меня.

– Ну... – Дея покраснела ещё сильнее, мысли её завертелись, когда она попыталась подобрать слова. – Из-за тебя я всё ещё её не прочитала, – призналась она. – Почти неделю ничего читать не могу.

Она осторожно подняла на Девона взгляд и заметила в глазах собеседника удивление.

– Что? – спросила Дея растерянно.

– Ничего, – Девон покачал головой, – хочешь, помогу?

– Я же, наверное, и тебе мешаю читать, – Дея опустила глаза и услышала смешок.

– Ерунда. «Historia de fomori» нам всё равно никогда не зададут.

– Что? – Дея осторожно приподняла взгляд. – Тогда зачем ты её читаешь?

Девон пожал плечами.

– Тут больше не осталось непрочитанных книг.

Он помолчал.

– Так тебе помочь разобраться или нет?

Дея улыбнулась и торопливо кивнула.

К тому времени уже шёл апрель, и за три недели Девон объяснил Дее всё то, что нужно было выучить до испытаний, и чего Дея никак не могла понять.

Дея уже предвидела, как плюнув на библиотеку с её сыростью и темнотой, она позовёт Девона на речку или в рощу на холме, откуда открывался чудесный вид на тонущий в тумане океан, когда прошёл слух, что в Академию приезжает Верховный Друид.

В один прекрасный день Дея с улыбкой вошла в библиотечную пещеру и поняла, что Девона там нет.

Она искала его везде, но, не расспрашивая других, найти кого-то в комплексе затерянных в лесу строений, где располагалась академия, было нелегко, а расспрашивать она не могла, потому что при упоминании имени Девона все тут же шархались от неё.

Сначала было Дея думала, что дело в испытании, к которому должен был готовиться сам Девон. Дее по-прежнему было страшно от мысли, что тот может погибнуть, если богиня сочтёт его недостойным служить. Но она всё же продолжала искать встречи – пусть не для того, чтобы позвать Девона на реку или в лес, а просто чтобы посмотреть на него издали.

И однажды Дее удалось выследить Девона, когда тот, сбежав с тренировки, отправился в лес. Девон распевал песню на незнакомом языке и взмахивал руками, так что Дея не сразу поняла, что именно тот делал – Девон пытался вызвать туман.

Он заметил Дею и замолк на полуслове, остановив на незваной гостье испытующий взгляд.

– Что ты делаешь? – спросила Дея, выбираясь из своего укрытия за деревом.

– Ничего, – ответил Девон тоном, который ясно говорил о том, что дальнейшие расспросы только рассорят их – так уже было пару раз. Девон никогда ничего не доказывал, если Дея настаивала на своём – просто пожимал плечами и объяснял дальше, но если Дея начинала слишком упорно задавать какой-то вопрос, не относящийся к звёздам или цветам, Девон мог

просто встать и уйти, не говоря вообще ничего. Впрочем, на следующий день он снова обнаружился на своём неизменном месте в библиотеке. Теперь же Дея абсолютно не представляла, где его искать в случае чего.

Дея сделала ещё шаг вперёд, и, к её удивлению, Девон вдруг смягчился – а может быть, просто устал молчать.

– Скоро приедет Великий Друид, – сказал он.

– Я слышала об этом... Ну и что?

– Он возьмёт себе ученика из наших детей.

– И?

– Я должен стать этим учеником.

Дея замерла, удивлённо глядя на него. В голове одна за другой замелькали мысли, и все они касались семьи Девона – а Девон никогда не говорил с ней о семье.

– Понятно, – только и сказала Дея, и опустила глаза. – Значит, я больше тебя не увижу?

Девон ничего не ответил.

Дея ждала ответа несколько минут, пока Девон снова не начал нараспев произносить свои непонятные слова, а потом отвернулась и побрела, силясь проглотить вставший в горле ком. Из всех, кого Дея узнала в кругу друидов-учеников, Девон был единственным, кто стал по-настоящему ей дорог. И дело тут было не только в том, что Девон, как и она, был сидом. Дею просто тянуло к нему. Ей хотелось растопить этот лёд, но теперь она начинала понимать, что так ничего и не добилась. О чём бы ни думал Девон, для неё это навсегда должно было остаться загадкой.

Риган появился в священной роще за день до испытания – он хотел, чтобы его ждали, и ему это удалось.

Главный наставник принял его и долго уговаривал остаться на несколько дней, хотя бы до тех пор, пока не будет проведён отбор в старший круг, но Риган был непреклонен – он не любил детей.

Наставник приказал вывести учеников на центральную площадь учебного лагеря и построиться по кругам – Риган ему не мешал. Он наблюдал за воспитанниками, чуть приспустив ресницы, и с таким же каменным лицом, как и всегда.

Наставник, судя по всему, был осведомлён о том, зачем Великий приехал сюда. Слухи расходились легко, даже если единственным местом, где их произносили в полный голос, была спальня богини Дану. Риган давно уже к этому привык.

Он не двигался до тех пор, пока последний из учеников не занял своё место в строю, а затем пошёл вдоль шеренг.

Дея, стоявшая во втором ряду одной из первых колон, широко раскрыв глаза, наблюдала, как колышется в такт движениям его украшенный орнаментом плащ. Следом за Риганом по шеренгам летел едва слышный шепоток, из которого Дея поняла, что не только Девон мечтает стать друиду учеником.

Она вздохнула с облегчением, уже решив было, что планы Девона обречены на провал – наставники признавали его одним из лучших учеников, но родословная Девона отрезала ему любой путь наверх.

Потом Риган остановился, и сердце Деи замерло, когда она увидела, на кого смотрит друид.

– Ты, – Риган указал пальцем на одного из воспитанников старшего круга, и Девон вышел вперёд. – Собери вещи и идём со мной.

Глава 5

В таком месте Девон оказался впервые.

Он слышал, конечно, что друиды живут в пещерах, но представлял себе это немного... не так.

Семья Ястребов обитала в просторном деревянном тереме, приютившимся меж ветвей деревьев, где у каждого была своя комната – небольшая, но с просмоленными стенами и большим окном. В тереме было светло и почти не холодно зимой, и просторно не в пример баракам для учеников – но с «пещерой» Верховного Друида обитель Ястребов было невозможно сравнить.

«Пещера» на деле представляла из себя сеть, хитросплетение пещер, переходивших одна в другую, и пока Риган шёл вперёд, указывая Девону путь, тот запомнил лишь небольшую часть того, что представляет собой этот комплекс – и отлично это понимал.

В голове промелькнула мысль, что если он убьёт Ригана прямо сейчас, как хотел сделать это с самого начала, едва они останутся одни, то попросту не сможет выбраться отсюда сам.

– Пришли, – тем временем прервал его мысли Риган и остановился внутри просторной залы, широко расставив ноги и скрестив руки за спиной.

Девон тоже шагнул в дверной проём и опасливо оглядел то место, в котором оказался.

Комната была большой. Если стены в коридоре были выточены из грубого камня, в котором тут и там виднелись разноцветные следы драгоценных пород, то здесь они были гладко обтёсаны, и стены эти украшали драгоценные гобелены – Девон, понимавший в этом кое-что, удивился мастерству, с которым было выполнено плетение, изображавшее, как он смог узнать, эпизоды из истории народа Туат.

Дверь была всего одна – та, через которую они вошли. Зато, взглянув на стену напротив, Девон замер, пытаясь понять, как может быть возможно то, что он видел перед собой: напротив него было огромное окно, выходившее на морское дно.

Девон даже вытянул руку перед собой, пытаясь понять, как такое возможно, и сделал шаг вперёд, но тут же одумался, вспомнив, в чьём доме он оказался, едва заметно покраснел и встал ровно.

Уже менее внимательно он разглядывал каменное ложе, стоящее в центре комнаты, застеленное множеством расшитых золотом и серебром покрывал из парчи, выточенную из малахита и красного гранита мебель – конторку и шкафы.

Девон надеялся, что удивление ему удалось скрыть, но, похоже, не удалось ему ничего.

– Нравится? – спросил Риган, и в голосе его Девону послышалось самодовольство.

– Безусловно, – сухо ответил новоявленный ученик.

– Хотел бы ты здесь жить?

На секунду сердце Девона замедлило бег при мысли о том, что это всё в самом деле его, но доверяться друиду он не спешил и ответил ровно:

– Если эта комната пока никому не принадлежит.

Риган прищурился и по широкой дуге обошёл его. Заслонил зеленоватый свет, падавший из окна, и заглянул Девону в глаза.

– А ты умён.

– Возможно, поэтому вы выбрали меня? – Девон поднял бровь.

Риган усмехнулся.

– Не думай, что я не знаю, кто ты такой.

Сохранить спокойствие Девону удалось на удивление легко – возможно, в глубине души он и сам понимал, что его план обречён. Что Великий не был бы великим, если бы позволил убить себя просто так.

– Тогда я не знаю, – сказал он, – что вам нужно от меня.

– Всё очень просто, – Риган шагнул к нему и, поймав подбородок Девона двумя пальцами, приподнял его, заставляя мальчика заглянуть себе в глаза. – Ты будешь мне служить. Будешь подчиняться мне и будешь верен мне. Склонишь колени передо мной. Как не склонил коленей твой... – Риган замолк.

Девон почувствовал, как всё его тело солёной волной объяла бушующая злость – и тут же отступила.

– Вы помните всё, – тихо сказал он.

Риган улыбнулся, и хотя лицо его было безупречно красиво от этой улыбки, по спине Девона пробежал холодок.

– Не думай, что ты в самом деле избранный, малыш. Если кто-то и избрал тебя – то это был я.

– Никогда и не думал, что в ваших словах может быть что-то, кроме лжи, – сказал Девон тихо и попытался отвести взгляд, но вдруг понял, что не может – зрачки Ригана гипнотизировали его.

– Я выбрал тебя, – продолжил Риган, не замечая его слов, – потому что хотел, чтобы ты принадлежал мне. Ты, маленький Ястреб – мой небольшой каприз.

Девон стиснул зубы и не ответил ничего, потому что понял, что Ригана не интересует его ответ. Не интересует вообще ничего, что он мог бы сейчас сказать.

– Но если ты будешь хорошим мальчиком – я могу многое тебе дать. Тебе стоит это понять.

– Вы решили купить меня за кровать? – спросил Девон тихо и зло.

– В том числе и за неё. Я рад, что ты так быстро понял меня.

Девон стоял, чувствуя, как снова всё его существо наполняет злость.

– А теперь послушайте меня, – тихо процедил он. – Вы убили моего отца. Моих братьев. Всю мою семью. Пусть говорят, что такова была воля богини, но я помню, кто отдавал приказ. И я никогда вам не покорюсь, тем более, что не верю ничему, что вы могли бы сказать.

Девон вырвался из холодных рук и, развернувшись, двинулся прочь.

Риган не стал его догонять. Он сложил руки на груди и с лёгкой улыбкой на губах наблюдал, как умный, но слишком пока что норовистый мальчишка удаляется прочь.

«Игра началась», – подумал он и, отвернувшись, взялся за свитки, лежащие на столе.

– Ты так и не представил мне своего ученика, – Дану возлежала на ложе, сплетённом из гибких ветвей ивы и покрытом периной из пуха диких птиц.

Риган, стоявший у окна и наблюдавший, как Священная Роща шелестит листвой, поморщился. Сегодня она была особенно дотошна – и особенно раздражала его.

Он обернулся, разглядывая стройную фигурку, тонущую в дорогом шитье. Дану была красива, как и её мать. Он знал обеих, но ни одну не любил.

Иногда Риган пытался вспомнить, значил ли для него хоть кто-то больше, чем листва, что по осени пожухнет и опадёт – и не мог. Все они были на одно лицо. Все они не стоили ничего.

Риган пересёк покой богини и, опустившись на одно колено, поцеловал будто бы случайно протянутую ладонь.

– Он ещё не обучен, моя госпожа.

– Всё равно, я хотела бы видеть его, – капризно заявила она, и Риган с трудом удержался от того, чтобы поморщиться ещё раз.

– Как только он освоит хотя бы самый простой этикет, – Риган снова коснулся губами длинных тонких пальцев, – ты за этим меня позвала?

Дану несколько секунд задумчиво смотрела на него. Лоб её пересекла вертикальная морщинка, которая абсолютно ей не шла, а затем лицо её снова стало спокойным и умиротворённым.

– Нет, – сказала она и, высвободив руку из его пальцев, встала. Подошла к окну и замерла. – Меня всё ещё тревожат вести из-за моря.

– Опять?.. – Риган вздохнул.

– Замолчи, – перебила она его и воздела ладонь, показывая, что это приказ. – Я желаю сказать. Не в моих силах остановить судьбу, и если мне уготовано стать той, кто увидит конец моих детей, то так тому и быть. Но я хочу, чтобы люди запомнили меня. Запомнили... как последнюю из богов. Пусть это будут и не те, кто поклонялся мне, а те, кто придут за ними вслед.

Риган задумчиво смотрел ей в затылок, пытаясь понять, верит ли Дану в то, о чём говорит, или нет. Для богини она была слишком эгоистична и слишком озабочена собой. Для женщины – слишком величественна и слишком мудра.

– Я хочу, – продолжала Дану, принимая как должное его молчание, – чтобы там, на вершине Холма Начала Времени, был воздвигнут храм. Величественный, как и наше прошлое. Как и вся наша гибнущая земля. Чтобы прошли века, но люди видели этот храм и вспоминали меня – ту, что когда-то здесь жила.

Наступила тишина.

Риган чуть склонил голову в бок.

– Почему ты молчишь? – поторопила его она.

– Если вы хотите мнение верховного жреца, – сказал Риган, подходя к ней и останавливаясь так, что плечо его касалось её плеча. – То это противоречит тому, в чём суть нашей веры – не менять мира вокруг себя.

Дану поморщилась.

– Допустим, я хочу мнение не жреца.

– Не жреца – а кого же, моя госпожа? – Риган резко повернулся к ней, заглядывая в глаза. – Вашего советника? Тогда я скажу, что если вы опасаетесь войны, то не время тратить камни на монументы самой себе, нужно готовиться к войне. Вашего любовника? Тогда...

– Замолчи! – Дану взмахнула рукой, и лицо её стало таким же холодным, как и его. – Я больше не хочу слушать тебя.

– Вы отдали приказ.

– Да, и теперь отдаю другой. Распорядись, чтобы начали добычу камня. Мы будем строить храм. И это будет памятник не мне, – она отвернулась к окну, – это будет памятник моим мечтам.

– Как прикажете, моя госпожа, – Риган согнулся в поклоне и, резко развернувшись, направился к двери. Плащ колыхался у него за плечами, трепетал на невидимом ветру предвещением близкой беды.

Девон плохо спал – он вертелся с боку на бок всю ночь, потому что даже для него, привыкшего к казарме, кровать, предоставленная Риганом, была слишком жёсткой, а сквозняк пронизывал насквозь.

Просыпаясь, Девон думал, что совершил ошибку, и теперь его план обречён. Риган не подпустит его так просто к себе – разве что на тех условиях, которые назвал сам.

Подчиняться его воле Девон не просто не хотел – это было абсолютно неприемлемо для него. Его растили как старшего сына, как того, кто будет сам распоряжаться своей судьбой, и хотя эта жизнь закончилась уже давно, он всё ещё чувствовал себя Ястребом – а теперь, к тому же, был ещё и главой семьи.

Склониться перед человеком, убившим отца, было бы позором, которого он пережить бы не смог. И даже то, что пока что это казалось единственным шансом оказаться к Ригану настолько близко, чтобы нанести удар, ничуть не примиряло его с подобной мыслью. Какие бы обещания не давал друид – для Девона он оставался врагом.

Проще было бы расстаться с жизнью, чем подчиниться ему – что уж говорить про жёсткую кровать и сквозившее окно. Девон всерьёз рассматривал этот вариант, но когда засыпал, перед глазами его вставало другое, юное нежное лицо. С волосами цвета платины и глазами, похожими на дымчатый хрусталь.

На лице девчонки, имени которой он так и не узнал, играла улыбка – тёплая, как первый солнечный лучик весной. Девона неудержимо, необъяснимо тянуло к ней. Во сне они брели вдоль реки, держась за руки, и не было злости, горя и одиночества, которые Девону казались давно уже неотделимыми от него самого.

В руке Девона была маленькая тёплая рука, и от близости безымянной девчонки было легко дышать, но хотелось чего-то ещё.

Он просыпался, так и не получив ничего, и снова понимал, что вокруг него смыкаются каменные своды пещеры, ставшей ему тюрьмой.

Глава 6

– Здесь, в Таре, смыкаются пять дорог, – Риган стоял, скрестив руки на груди, и его зелёный, отделанный серебром плащ трепетал на ветру. —Шлиге Мидлуахра, Шлиге Куаланн, Шлиге Ассайл, Шлиге Дала и Шлиге Мор. И пять деревьев растут на концах пяти дорог. И на пять пятин разделена наша земля.

Девон слушал столь же рассеянно, сколько рассеяно сам Риган рассказывал урок. Он знал о дорогах и о землях, каждая из которых принадлежала одному из королей сидов – кроме одной, той, где располагался Холм Начала Времени. Той, где стоял терем богини Дану.

Одно из деревьев он видел своими глазами, потому что в его ветвях был сокрыт деревянный замок дома Ястребов. У корней того же дерева была теперь похоронена его семья.

Девон ожидал, что Риган будет учить его магии. Посвятит в тайны друидов и позволит овладеть той силой, которая была сокрыта от посторонних глаз.

Той силой, которую Девон однажды сможет использовать против него.

Но ничего такого не было. Риган, казалось, вовсе отступился от своих намерений и потерял к нему интерес. Он рассказывал Девону об истории, об устройстве мира и о травах, названия которых Девон давно уже знал, но сам пребывал как будто бы даже не здесь.

Поначалу Девон подумал, что Риган ожидает его капитуляции, просто поместив его в промозглую пещеру, в которой он не мог спать и постоянно мёрз, но если так, то Риган его там передержал – Девон постепенно привыкал к тому месту, где оказался, и испытывал всё меньше неудобств.

Риган в самом деле надеялся таким образом сломить ученика. Девону почти не давали есть, зато заданий поручали хоть отбавляй – Риган заваливал его книгами, которые нужно было прочитать, и к тому же требовал, чтобы тот тренировался и с серпом, и с мечом. Однако следить за результатами дрессировки у Ригана времени не было – за прошедшие недели он уже десяток раз проклял новую затею Дану, которая была не ко времени, как на неё ни глянь.

Строительство храма было поручено Ригану как верховному жрецу, хотя Риган был уверен, что куда больше такое дело подошло бы архитектору или мажордому. Требовалось отслеживать поставки камней, подбирать рабочих и следить, чтобы они занимались тем, что поручал им он – а Риган не питал никакой любви к общению с простыми людьми.

Раз в неделю Дану вызывала его к себе и спрашивала, как движется ход работ, и если бы не это, Риган решил бы, что она просто хочет избавиться от него – но глаза Дану сияли, когда она говорила о грядущем монументе, и раз за разом она повторяла, что это будет памятник им всем.

Риган ежился. Ему не нравилось думать, что скоро ему понадобится подобный монумент. А нездоровый блеск в глазах Дану заставлял задуматься о том, не собирается ли она по обычаю древних полубогов забрать его и всех приближённых на тот свет. Риган определённо подобной участи не хотел.

За те несколько месяцев, которые прошли с тех пор, как была заложена первая плита, впервые у Ригана выдалось несколько свободных дней, но всё утро он не мог избавиться от мыслей о поставке камней. Только когда солнце стало приближаться к зениту, Риган понял, что проголодался, и решил возвращаться домой с тем, чтобы пообедать, и в тот день он впервые ел с Девоном за одним столом.

Риган хотел провести со своим учеником немного времени, чтобы получше разобраться в нём, но была и ещё одна причина – нужно было показать Девону, насколько лучше может стать его жизнь, если он будет сотрудничать со своим учителем.

Им принесли серебряный поднос с фруктами и лепёшки с зеленью, которые Риган ел, неторопливо отламывая кусочки и закидывая один за другим в рот. В чаше перед друидом

стояло яблочное вино, и такую же чашу поставили слуги перед Девонем, но тот оставался безучастен и к выпивке, и к еде.

– Тебе нравится, как ты здесь живёшь? – поинтересовался Риган, будто бы невзначай закидывая небольшой кусочек лепёшки в рот.

Девон невольно проследил за его тонкими пальцами и уставился на скатерть перед собой.

– Я не рассчитывал, мой господин, на другое обращение в доме врага.

Риган, поднёсший было чашу с вином к губам, замер и свёл брови к переносице.

– Я твой наставник, ты так хотел меня назвать.

– Мы оба знаем, зачем я попал в этот дом. Меня было бы проще назвать пленником, а не учеником. А хозяин дома для пленника – не учитель, а господин.

Риган со звоном опустил чашу на стол.

– Ты считаешь, это хорошая мысль – пытаться меня разозлить?

Девон упрямо посмотрел на него.

– Осознаёшь ли ты, – произнёс Риган, вставая и приближаясь к Девону, – что каждый в твоей школе мечтал бы стать моим учеником?

– Я тоже об этом мечтал, – выпалил Девон. – Чтобы иметь возможность тебя убить.

Риган замер на секунду, чувствуя, как ледяная ярость захлестывает его – а затем с размаху ударил Девона ладонью по щеке.

– Во-первых, – произнёс он, – ты не усвоил урок и не назвал меня учителем, как я велел.

– Во-вторых?

– Во-вторых, – продолжил Риган, не замечая его слов. Он взял Девона за плечо и вздёрнул, заставляя встать на пол. – Тебе не следует даже помышлять о том, чтобы причинить мне вред. Никогда. Ты должен быть благодарен мне за то, что я приютил тебя.

Девон стиснул зубы.

– Поблагодари меня, – продолжил Риган.

– Никогда! – ещё один удар обжёг его щёку, на сей раз куда более сильный, а в следующую секунду Девон замахнулся и ударил в ответ.

Кулак его не долетел до цели, перехваченный рукой Ригана – она не казалась Девону более сильной, чем его собственная, пока он просто смотрел, но теперь Девон вдруг обнаружил, что Риган удерживает его легко, будто младенца.

Риган оттолкнул руку Девона в сторону и ударил наотмашь тыльной стороной ладони. Щека Девона запылала вновь, и он схватился за неё рукой, но через секунду уже снова ринулся в бой – и тут же понял, что рука его вывернута, и каждое движение причиняет боль, а лбом он упирается в острый угол необработанного камня, из которого состояла стена.

Риган стоял у него за спиной. Он тяжело дышал, но всё же удерживал ученика довольно легко.

– Ты всё ещё не усвоил урок, – произнёс он. – Пока ты не научишься меня уважать, мы не сможем двигаться вперёд.

– Я не буду уважать того, кто убил моего отца.

– Полагаю, что это не так. Донан! – крикнул Риган, и тут же в помещении появился ещё один друид – тот самый, что до этого приносил фрукты и вино. Одет он был куда проще, чем верховный, в обычный домотканый балахон, но у пояса его болтался серп, отблескивающий золотом.

– Этот мальчик всё ещё не усвоил урок подчинения. Сегодня, в час вознесения хвалы, он должен получить двадцать плетей.

Девон стиснул зубы, но ничего не сказал.

– Это не много, – пояснил Риган, снова оборачиваясь к нему, – просто чтобы ты понял, что каждое следующее наказание будет сильнее. И если в конце концов ты не научишься делать

так, как я говорю, то последним из них станет твоя смерть. Впрочем, нет. Полагаю, для сиду куда худшим станет позор. И я обеспечу его тебе.

Риган рывком бросил Девона на пол и двинулся прочь, оставляя его на попечение друида по имени Донан.

Вечером Риган не присутствовал на восхвалении. Сказавшись нездоровым, он сидел в одной из верхних комнат в спальне и потягивал вино, наблюдая через пролом в стене, служивший окном, как в низине между холмов, служившей своего рода внутренним двором, два десятка друидов становятся в круг. Как выводят провинившегося и, привязав его к древесному столбу, разрывают ученическую рубаху, в которой Девон ходил до сих пор.

Как врезается кнут в белоснежную спину ученика – очевидно, никогда до сих пор не пробовавшего подобного наказания на себе. Кнут оставлял красные следы, и Риган поморщился, решив, что следующее наказание должен получить палач – за то, что слишком рьяно выполняет приказ.

Когда наказание было окончено, лишившегося чувств Девона отвязали двое друидов и понесли в комплекс, служивший Ригану домом.

Риган поднялся и окликнул их – все наблюдавшие за экзекуцией тут же посмотрели наверх и опустили на колени, заметив его.

«Ко мне», – показал Риган знаком и, вернувшись на своё место, сделал ещё глоток из чаши с вином.

Девон спал. Риган внимательно разглядывал его некогда белую кожу, испещрённую полосками кровавых рубцов. Мальчишка был красив – как и любой сид, но чувствовалась в нём и пугающая сила. Глядя на него Риган по новому вспоминал слова Дану, и сам начинал ощущать это чувство – приближающейся беды.

Риган подумал, что если бы не то недоразумение, что случилось между орденом друидов и его отцом, Девон, должно быть, стал бы всеобщим любимцем при её дворе. Наверняка девушки влюблялись бы в него, а мужчины почитали дружбу с ним за честь.

Риган зачерпнул из деревянной чаши густую зеленовато-коричневую мазь и принялся толстым слоем наносить на рубцы.

Едва он коснулся кожи Девона, как тот вскрикнул, вскинулся на кровати и обиженно, совсем по-детски посмотрел на него.

– Не трогайте меня, – произнёс он.

– Не трогайте меня... кто? – Риган замер с мазью в руке. – Ну же, Девон, это ведь так легко. Твоя гордость не пострадает от того, что ты признаешь себя моим учеником.

Девон молчал, и Риган, сбросив излишки мази обратно в чашу, положил руку ему на спину, а затем принялся медленно стягивать кожу, растягивая края ран и заставляя то, что уже покрылось подсохшей коркой, открыться вновь.

Девон закричал, и Риган остановился, выжидая.

– Скажи: «Простите меня, учитель», – произнёс он, когда Девон перестал кричать.

Тот упрямо молчал, и Риган снова коснулся его спины – совсем легко, ещё не причиняя боли.

– Простите меня, учитель! – выпалил Девон, и Риган улыбнулся – своей обычной ледяной улыбкой, лишённой и тени радости.

– Вот и хорошо, – произнёс он. – А теперь замолчи, я наложу лекарство, чтобы не осталось шрамов, и дам тебе выпить травяной настой, от которого ты уснёшь.

Девон замолк. Уткнулся лбом в скрещенные локти и зажмурился, чтобы не чувствовать прикосновение холодных пальцев к воспалённой спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.